

Iwona Rzepnikowska

Uniwersytet Mikołaja Kopernika

СЕМАНТИКА И СЮЖЕТНО-КОМПОЗИЦИОННЫЕ ФУНКЦИИ ЯБЛОКА И ЯБЛОНИ В СКАЗОЧНОМ ФОЛЬКЛОРЕ¹

The Meanings and Compositional as Well as Plot-Related Functions of an Apple and an Apple Tree in Folktales

ABSTRACT: The aim of this article is to describe the meanings and compositional as well as plot-related functions of an apple and an apple tree in Polish folktales. The analysis of the texts leads to the conclusion that both an apple tree and the fruit it bears are most frequently connected with the symbolism of love and marriage. Such a conclusion can be drawn especially on the basis of stories in which the hero is required to undertake a long and exhausting journey to obtain the golden apple. The hero is also supposed to fight against the opponents who guard such fruit. The protagonist's endeavours bring unexpected results and end in his marrying the princess. Apart from that, an apple tree and apples fulfil many other functions. By way of illustration, they can indicate a person's moral attitude; convey information about the ensuing event or a character's life situation; take the form in which folktale protagonists, or their helpers, exist; are the means of identification of the hero or of confirmation of his new social-cultural status, and the means of special transformation as well as of the physical or biological transformation of a human being.

KEYWORDS: apple, apple tree, folktale, folk beliefs, folktale metamorphoses

Мифологические и ритуальные значения яблока и яблони чрезвычайно разнообразны. Чаще всего они соотносятся с комплексом положительных ассоциаций: плодovitостью, жизненным началом, любовью, здоровьем, кра-

¹ Работа выполнена в рамках гранта Министерства науки и высшего образования (Развитие гуманитарных наук, «Традиция 1Б»), № 1bН15018483. Руководитель гранта – доктор филол. наук, проф. Университета Николая Коперника Виолетта Врублевска. Предлагаемый читателю текст является переработанной и во многих отношениях дополненной версией статьи, опубликованной на сайте *Polska bajka ludowa. Słownik*. См. I. Rzepnikowska, *Jabłko/Jabłoń*, [в:] <http://bajka.umk.pl/> (4.11.2017).

сотой, благополучием². Иногда проявляется негативная оценка яблока, например, в народных верованиях и снотолкованиях, в которых оно символизирует опухоли, наросты у людей и животных³. В свою очередь, видеть яблоню во сне, особенно с яблоками, считается хорошим знаком⁴.

Исследовательский интерес вызывает прежде всего образ яблони и ее плода в обрядах и верованиях⁵. Помимо того, что в работах по данному вопросу нередко приводятся данные по словесному фольклору, объектом специального внимания фольклорный образ этих фитосимволов становится редко⁶. В данной статье предпринимается попытка раскрыть значение и определить сюжетно-композиционные функции яблони и яблока в народной сказке, а также выявить мифологические представления, с которыми мы можем их соотносить в той или иной функции, выполняемой ими в сказке. Материалом для анализа послужили сюжетные типы и их варианты, помещенные в указателе польской сказочной прозы Юлиана Кшижановского⁷.

В народной сказке наиболее ярко выражена любовно-эротическая символика яблока (Т 550 „Ptak złotopióry”; Т 425С „Zaprzędana przez ojca”; Т 466 „Złoty pierścień”; Т 706 „Salvatica”; Т 955 „Narzęczona zbójnika (Dziewczyna w zbójckiej chacie)”). Некоторые исследователи считают это его исконной функцией в сказке⁸. Кроме того, яблоко и яблоня выполняют ряд других функций. Они являются:

- показателем нравственного облика человека, его моральных качеств (Т 511 „Macocha i pasierbica”; Т 566А „Długi nos”),
- средством утверждения нового социального статуса героя (Т 480А „Dwie siostry: dobra i zła”),
- формой существования помощника или героя, в т.ч. одной из форм его чудесных перевоплощений (Т 511 „Macocha i pasierbica”; Т 550 „Ptak złotopióry”; Т 707 „Trzej synowie z gwiazdą na skroni”; Т 756В „Madejowe łoże”),
- носителем информации о произошедшем событии (Т 311 „Zakazany pokój”),

² Т. Агапкина, *Символика деревьев в фольклоре и традиционной культуре славян: яблоня*, [в:] <http://studlit.ru/2017-2-1/Agapkina.pdf> (4.11.2017); В. Добровольская, *Предметные реалии русской волшебной сказки*, Москва 2009, с. 53; О. Белова, *Яблоко*, [в:] *Славянские древности. Этнолингвистический словарь*, ред. С. Толстая, т. 5, Москва 2012, с. 608–611.

³ О. Белова, *Яблоко*, с. 608.

⁴ S. Niebrzegowska-Bartmińska, *Polski sennik ludowy*, Lublin 1996, с. 168.

⁵ Т. Агапкина, *Символика деревьев...*, с. 284–305; О. Белова, *Яблоко*, с. 608–611; J. Dekowski, *Jabłoneczka w obrzędowości weselnej na terenie woj. Łódzkiego*, „Łódzkie studia etnograficzne”, Łódź 1970, т. II, с. 133–148.

⁶ Р.Г. Назиров, *Яблоко и гранат в мифах и сказках разных народов. К проблеме синонимии культурных символов*, „Фольклор народов РСФСР”, вып. 8, Уфа 1981, с. 17–23.

⁷ J. Krzyżanowski, *Polska bajka ludowa w układzie systematycznym*, т. 1, Warszawa 1965.

⁸ Р.Г. Назиров, *Яблоко и гранат...*, с. 21.

- знаком, несущим определенную информацию о состоянии героя (Т 425С „Zaprzędana przez ojca”),
- средством личной трансформации героя/героини (Т 566 „Magiczne owoce (Rogi Fortunata)”; Т 709 „Dziewczyna w szklanej trumnie (Snow-white – Sneewittchen)”),
- средством идентификации героя (Т 675 „Głupiec poślubia królowę”),
- средством трансформации пространства (Т 301 „Bracia zdradzieccy”; Т 314 „Zaczarowany koń”).

Яблоко в качестве брачного прогностика обычно предполагает совершение таких акциональных форм, как бросание\поймка, срывание с дерева\ поедание, дарение. В одном из вариантов новеллистического сюжета Т 955 („Narzęczona zbójnika (Dziewczyna w zbójckiej chacie)”) руку королевны получит тот, кто поймает брошенное ею вверх золотое яблоко⁹. В таком способе выбора жениха, содержащем некоторый гадательный момент, усматриваются рудименты народных представлений о предопределенности судьбы, на которую человек не имеет влияния¹⁰.

Наиболее ярко данная функция плода яблони проявляется в сказках, герой которых благодаря обнаружению кражи золотого яблока, отправляется в путь и находит себе невесту в сказочном «тридцатом царстве» (Т 550 „Ptak złotopióry”) или добывание чудесных яблок выступает как одно из «трудных заданий», что нередко связано с необходимостью сражения с их охранителем (змеем, великаном, разбойниками (Т 590 „Zdradziecka matka”), в чем можно усмотреть некоторую аналогию с мифической яблоней, охраняемой тремя Гесперидами с помощью недремлющего дракона Ладона, изрыгающего пламя¹¹.

Судьбоносным оказывается срывание яблока в сказках с мотивом запродажи. Сорвав несколько плодов яблони, растущей в глубоком лесу, король вынужден взамен отдать владельцу дерева, медведю, любимое существо. Вопреки предположениям короля, им оказывается не собака, бежавшая ему обычно навстречу, а родная дочь. По неосторожности девушка приводит к преждевременному расколдованию заклятого в животное королевича, но, преодолев множество препятствий, отыскивает его и выходит за него замуж¹².

Эту функцию яблока мы можем обнаружить не только в завязке сюжета, но и на других этапах композиционной организации сказки, например, в кульминации действия.

⁹ Т 955; О. Kolberg, *Dzieła wszystkie*, т. 17 Lubelskie, ч. 2, Wrocław–Poznań 1962 (1884), с. 188; ср. Т 466; S. Nitsch, *Wybór polskich tekstów gwarowych*, Lwów 1929, с. 230.

¹⁰ О. Седакова, *Судьба*, [в:] *Славянские древности. Этнолингвистический словарь*, с. 204–205.

¹¹ Р.Г. Назиров, *Яблоко и гранат...*, с. 18.

¹² Т 425С; L. Malinowski, *Powieści ludu polskiego na Śląsku*, „Materiały Antropologiczno-Archaeologiczne i Etnograficzne” 1901, т. 5, с. 228.

Брачно-семейная символика яблока актуализируется иногда в сказках типа Безручка (Т 706 „Salvatica”). Изувеченная отцом дочь отправляется в путь и после многолетних скитаний попадает в необыкновенно красивый сад с золотой яблоней и съедает несколько плодов. Обеспокоенный пропажей яблок король приказывает сыновьям поймать вора. Это удается лишь младшему королевичу-дураку. Обнаружив, что преступник – красивая девушка, юноша женится на ней¹³. Вкушением героиней яблока отмечается завершение состояния лиминальности, в котором она находилась во время семилетних скитаний и эквивалентами которого являлись: обособление, молчание, употребление необработанной пищи и своеобразная одежда, т.е. медвежья шкура.

Как следует из приведенных примеров, яблоки привлекают потенциальных женихов и невест обычно своей золотой окраской¹⁴. Но они могут приманивать к себе невероятно красивым ароматом (Т 511 „Macocha i pasierbica”; Т 566А „Długi nos”). Притом в одном и другом случае они нередко **служат показателем нравственного облика человека, его моральных качеств**, поскольку их может рвать лишь преследуемая мачехой падчерица. Перед другими ветви яблони поднимаются вверх: „Una do grusek, gruski podnosą się w górę i una ni moze ich urwać; una do jabłek, jabłonka podnosi tyz gałęzie w górę”¹⁵. Одновременно, дарение падчерицей яблока проезжавшему мимо сада юноше означает любовный призыв.

Дарение золотого яблока может быть и **формой утверждения нового социального статуса**, приобретенного героиней в результате пройденного испытания:

[...] idzie, aż oto z daleka widzi jabłoń, którą ochędożyła ze mchu i suchych gałęzek, a na niéj złociste połyskują jabłka; gdy się zbliżyła, znów woła coś na nią: „Urwiéj sobie kilka, bo tyś mnie chędożyła”. Urwała siedem złocistych jabłek, a nie bawiąc się szła dalej¹⁶.

В некоторых сказках необычность плодоносящего дерева заключается еще и в том, что оно является **формой существования чудесного помощника**¹⁷. Но в данном случае исследователи не всегда отмечают возможность соотнести

¹³ Т 706; S. Polaczek, *Wieś Rudawa. Lud, jego zwyczaje, obyczaje, obrzędy, piosnki, powiastki i zagadki*, Warszawa 1892, с. 230–232.

¹⁴ О мифо-ритуальных функциях и значениях золотых предметов см. К. Prorok, *Złote przedmioty*, [в:] *Słownik stereotypów i symboli ludowych*, ред. J. Bartmiński, Lublin 2012, с. 207–241.

¹⁵ Т 511; S. Chełchowski, *Powieści i opowiadania ludowe z okolic Przasnysza*, ч. 2, Warszawa 1889, с. 73.

¹⁶ Т 480А; F. Wawrowski, „Przyjaciół Ludu” 1846, г. 13, № 30, с. 239. I. Rzepnikowska, *Rosyjska i polska bajka magiczna w kontekście kultury ludowej*, Toruń 2005, с. 125–139.

¹⁷ В. Добровольская, *Предметные реалии...*, с. 72.

волшебную яблоню, вырастающую из яблока или семян, добытых из кишек убитого по приказу мачехи животного помощника, (а также из его косточек, крови и т.п.)¹⁸, с идеей бессмертия и вечного возрождения жизни. Притом яблоко не лишается **свойств приворотного средства**, приманивая к себе королевича, за которого затем выходит замуж сирота, подарившая ему один из плодов необычной яблони.

Ту же **брачно-семейную символику** довольно неожиданно сохраняет плод яблони, произрастающей из сожженной дудочки, сделанной из тростинки, выросшей на могиле младшего из братьев, невинно убитого старшими (Т 550 „Ptak złotopióry”)¹⁹. Сорванное с дерева яблоко поет, выявляя правду о причинах гибели молодого человека. Затем яблоко поедает самая красивая принцесса, оставляя лишь хвостик. Брошенный на землю, он чудесным образом превращается в юношу: „Kiedy rzuciła ogonek, powstał hałas i z ogonka tego stanął przed nią głupi z trzech braci. I pobrali się głupi z księżniczką”²⁰. Такое совмещение в одной записи сказки разных функций яблока (**носитель информации о произошедшем (событии), форма существования героя, приманка любви**) возможно лишь в контаминированных вариантах сюжетных типов, каким и является упоминаемая запись Макса Тэппена. К типу Т 550 относится лишь начало сказки, повествующее о том, как три брата поочередно пытаются обнаружить вора золотых яблок, в то время, как мотив дудочки, изобличившей убийц, по всей вероятности, позаимствован из легендарных сказок Т 780 „Maliny”. Яблоко, а также яблоня, как **форма существования человека**, характерны преимущественно для волшебных, реже новеллистических сюжетов (Т 707 „Trzej synowie z gwiazdą na skroni”; Т 756В „Madejowe łoże”). В виде яблони довольно часто возрождается невинно убитый ребенок в сказках типа Т 707²¹, а в сказках о разбойнике Мадее яблоки, выросшие на палице, которую в течение многих лет поливает раскаявшийся злодей пока она не станет цветущим деревом, оказываются душами убитых им когда-то родителей²².

¹⁸ Т 511; J. Bartmiński, O. Kielak, S. Niebrzegowska-Bartmińska, *Dlaczego wąż nie ma nóg? Zwierzęta w ludowych przekazach ustnych*, 2015, сс. 120, 149; ср. Т 511; D. Simonides, J. Ligęza, *Gadka za gadką. 300 podań, bajek i anegdot z Górnego Śląska*, Opole 1975, с. 207.

¹⁹ М.Р. Тоеппен, *Wierzenia mazurskie z dodatkiem zawierającym klechdy i baśnie Mazurów*, „Wisła” 1893, т. 7, с. 23.

²⁰ Ibidem, с. 23.

²¹ Ср. К. Skrzyńska, *Baśnie z okolic Zamościa i Krasnegostawu*, „Wisła” 1901, т. 15, с. 715.

²² Т 756В; O. Kolberg, *Dzieła wszystkie*, т. 14 W. Ks. Poznańskie, ч. 6, Wrocław-Poznań 1982 (1881), с. 210. Это связано с мифологическими представлениями о т.н. «кровавых деревьях», в которых живет душа невинно убиенного. В. Пропп, *К вопросу о происхождении волшебной сказки. Волшебное дерево на могиле*, „Советская этнография” 1934, № 1–2, с. 128–151; Д.К. Зеленин, *Тотемы-деревья в сказаниях и обрядах европейских народов*, „Труды институ-

Яблоко\яблоня как **одна из форм чудесных перевоплощений героя** наиболее ярко отражают идею смерти и возрождения, являющихся необходимым условием приобретения сказочным неопитом нового социального статуса²³. Дерево с семью красными яблоками вырастает из крови убитой девушки-уточки, обращенной в птицу ведьмой (Т 405 „Królowna-ptak”). Затем яблоню срубают, летящие щепки собирает старушка и разжигает с их помощью огонь, но из него постоянно одна щепка вылетает. Спрятанная в сундук, она превращается в красивую девушку:

Widzi, otwiera się skrzynia, a z niej wychodzi piękna panna, zamiata izbę. Baba cichutko wpada do izby i złapała pannę [...]. Od tej chwili panna nie zamieniła się więcej w wiór, pozostała w ludzkiej postaci²⁴.

Плод яблони в **функции информатора о произошедшем (событии)** появляется иногда в реализациях сюжета Т 311 „Zakazany pokój”. Яблоко, подаренное разбойником каждой следующей его жене, должно выявить правду о соблюдении запрета входить в особое помещение. Ни одна из женщин не сдерживает слово, но лишь младшей из них удается это скрыть от супруга и благодаря тому остаться в живых. Появившиеся на яблоке пятна крови она удаляет с помощью молока или перед тем, как переступить порог таинственной комнаты, она прячет фрукт в карман²⁵. Эту функцию яблока следует, скорее, считать не основной, а побочной, что, по мнению, Ромэна Назирова доказывается легкой заменимостью яблока другими плодами или предметами, в том числе яйцом²⁶. Сказанное подтверждают как варианты сюжета Т 311, так и тех сказок, в которых яблоко является одним **из знаков, несущих определенную информацию о состоянии героя**, например, типа Т 425С „Zaprzędana przez ojca”. В данном случае яблоко функционально соответствует предметам, которые в момент грозящей герою опасности меняют свой вид: чернеют, ржавеют или с них начинает капать кровь²⁷. Яблоко теряет свои первичные свойства, т.е. оно бледнеет, отражая таким образом процесс, которому подлежит, например, чудовище, тоскующее по

та антропологии, археологии, этнографии” 1937, т. XV, вып. 2. Этнографическая серия, с. 75; В. Добровольская, *Предметные реалии...*, с. 72.

²³ В. Пропп, *Исторические корни волшебной сказки*, Москва 2000, с. 73–77.

²⁴ Т 405 „Królowna-ptak”; А. Петров, *Lud ziemi dobrzyńskiej, jego charakter, mowa, zwyczaj, obrzędy, pieśni, przysłowia, zagadki*, cz. III, „Zbiór Wiadomości do Antropologii Krajowej” 1878, т. 2, с. 143; ср. Т 568 „Zdradziecka żona”; О. Колберг, *Dzieła wszystkie*, т. 43, Śląsk, Wrocław 1965 (1857), ч. III, с. 117–118.

²⁵ Т 311; А. Стеффен, *Język polskiej Warmii*, Kraków 1938, с. 73; ср. Т 322 „Sinobrody i złota bania”; S. Zalewski, *Bajki i opowiadania z okolic Krzeszowic*, „Lud” 1902, т. 8, с. 196.

²⁶ Р.Г. Назиров, *Яблоко и гранат...*, с. 21.

²⁷ В. Добровольская, *Предметные реалии...*, с. 67.

возлюбленной девушке: „[...] on leży wyciągnięty, zęby wysycrzone i już trochę suchniał”²⁸. С одной стороны, плод яблони можно соотнести с народными представлениями о смерти как угасании, затухании, исчерпывании жизненной энергии, что отчасти проявляется на лексическом уровне²⁹ и в то же время со сказочными представлениями о смерти как явлении вполне отвратимом, поскольку вернувшаяся вовремя героиня слезами и поцелуями возвращает чудовище к жизни, одновременно снимая с него заклятие³⁰.

В польской сказке, притом новеллистической, опосредованно отражена **продуцирующая семантика яблока**. Аромат этого плода выделяет сердце, которое осталось после самосожжения героя устных вариантов сюжета об Эдипе (Т 931 „Eduр”), поскольку такой вид смерти был залогом его чудесного возрождения и последующего за этим спасения:

Jednego casu przejeżdza królowna przez ten las i kiedy nadjechała na to miejsce, mówi do swojej służącej, że cuje tu zapach mocny jabłek; „jadłabym je kóneckie, trzeba by kogo posłać, azeby je tu posukał”. Sługa obszed cały las, i mówi, że nimoze naléźć nigdzie żadnej jabłónki. Wsycy chodzili i nikt téj jabłónki naléźć niémóg. Ona sama posła sukać, i nalazła pod węglami to serce. Miało ono mocny zapach jabka³¹.

Сердце поедает привлеченная его яблочным запахом королева и беременеет. Рожденный ею в результате чудесного зачатия мальчик «растет не по дням, а по часам» и, повзрослев, предлагает своей матери, потерявшей всякую надежду на замужество, стать его супругой.

Сказочное яблоко принадлежит к числу предметных реалий, **способствующих личной трансформации героя**³². Как средство, **меняющее на время физические качества персонажа**, оно его, как правило, омолаживает или усыпляет, что ярко отражено в восточнославянской сказке³³. Однако, для польского сказочного фольклора молодильные яблоки не характерны. Иногда плоды яблони наделяются лишь целебными свойствами. Кожура от золотых яблок используется, например, для заживления раны в разновидности сюжета Т 530В „Szkłana góга”, известной лишь в записи Казимежа Вуйцицкого:

Wtedy dobył szpony sokole, ugręzłe wraz z szponami w ciełe, a skórkę złotego przyłożywszy jabłka do ran skaléczałych, wnet wygoił wszystkie. Narwawszy

²⁸ Т 425С; К. Matyas, *Zza krakowskich rogatek*, „Wisła” 1894, т. 8, с. 268.

²⁹ С. Толстая, *Смерть*, [в:] *Славянские древности. Этнолингвистический словарь*, с. 59.

³⁰ Т 425С; К. Matyas, *Zza krakowskich rogatek...*, с. 268.

³¹ Т 931; О. Kolberg, *Dzieła wszystkie*, т. 21 Radomskie, ч. 2, Kraków 1964 (1888), с. 182.

³² В. Добровольская, *Предметные реалии...*, с. 41–42.

³³ *Ibidem*, с. 53.

pełne kieszenie złotych jabłek, wchodzi śmiało do zamku: przy bramie zatrzymuje go smok wielki; lecz za ledwie rzucił nań jabłko, smok skoczył w fosę i zniknął³⁴).

Не слишком ярко выражена также функция яблока как отравительного средства (Т 709 „Dziewczyna w szklanej trumnie (Snow-white – Sneewittchen)“):

Wypatrzywszy więc chwilę, kiedy królowna z pieskiem do źródła po wodę poszła, [czarownica – I.R.] do mieszkania weszła, i na stole zaczarowane jabłko położyła, a sama ukryła się w bliższej zarośli. Królowna z dzbanuszkim do mieszkania wbiega, przesłaniczne jabłko na stole postrzeża, i tak się go jęć zechciało, że dzbanek z rąk wypuściła, wprost do jabłka się rzuciła, ale piesek prędzej skoczył, i by królownę ocalić, chwytając jabłko, wnet go zjada, i liżąc ręce królowny, niezwywo u nóg jęć pada³⁵.

Последним, использованным мачехой смертоносным реквизитом в сказках о мертвой царевне, является не плод яблони, как это известно по варианту братьев Гримм, а булавка или колечко³⁶.

В польских сказках почти совсем не отражена функция яблока **как средства меняющего на время биологический вид персонажа**, т.е. обычно способствующего принятию им зооморфного облика. К числу таких текстов мы можем отнести некоторые реализации сказок типа Т 566 „Magiczne owoce (Rogi Fortunata)“ и Т 566А „Długi nos“. Наделение сказочного героя атрибутами животных следует считать формой онтологической деградации, поскольку это результат нарушения им нравственно-этических норм поведения.

Яблоко может быть **средством идентификации героя**, как это происходит иногда в сказках типа Т 675 „Głupiec roślubia królownę“. С помощью яблока проводят тест на отцовство ребенка королевны. Во время пира его бросает на пол маленький королевич, приговаривая, чтобы оно покатило под кровать. Гости обнаруживают там дурака-запечника, который оказывается отцом ребенка:

To dziecko kulnęło to jabko i mówiło: kululu jabłuszko, do tatuli pod łóżko. – Idą patrzeć gdzie padło jabko, a tu goście wyciągają gó, tego tatula z pod tego łóżka. A ten tatula w kiecce osmolonęj, opopielonęj, na twarzy omurzony, powrósem w pasie opasany³⁷.

³⁴ K. Wójcicki, *Klechy, starożytne podania i powieści ludu polskiego i Rusi*, т. 2, ч. 3, Warszawa 1837, с. 40–41.

³⁵ Т 709; А.Ј. Gliński, *Bajarz polski. Baśnie, powieści i gawędy ludowe*, т. 1, Wilno 1862, с. 158. Ср. L. Malinowski, *Powieści ludu polskiego na Śląsku*, „Materiały Antropologiczno-Archeologiczne i Etnograficzne“ 1900, т. 4, с. 42.

³⁶ I. Rzepnikowska, *Jabłko/Jabłoń*, [w:] <http://bajka.umk.pl/> (4.11.2017).

³⁷ Т 675; O. Kolberg, *Dzieła wszystkie*, т. 14, ч. 6, 1962 (1881), с. 52–53.

Лишь в одном из сюжетных типов нами были обнаружены рудименты представлений о мифическом **яблоке раздора** – Т 518 „Walka o przedmioty magiczne”.

Było się trzech braci około płaszczu. Jeden chciał wziąć i drugi chciał wziąć, a trzeci najstarszy miał go i nie chciał dać. I bili się. Przyszed jakiś chłop i pytał się ich, czego sie bijo. Oni powiedzieli, że się bijo koło płaszczu. A on miał złote jabłko i powiedział: – Já rzuca to jabłko, któren prędy złapie, ten dostanie płaszcz. I oni polecieli za tem jabkiem. A on płaszcz wzion i poszed z płaszczem³⁸.

Как **средство трансформации пространства** яблоко появляется в сказках с мотивом магического бегства (ср., например, Т 314 „Zaczarowany koń”). Плоды яблони, брошенные на землю преследуемыми персонажами, превращаются сначала в лес, затем в водоем, а последней, возникшей из них, задерживающей антагониста, преградой, является огонь³⁹.

Если трансформаторы пространства, в данном случае, яблоко безвозвратно теряют свою исходную форму, то яблоня и другие как фитоморфные, так и зооморфные объекты, в которые иногда превращаются преследуемые персонажи, являются лишь их временным обликом. В одном из вариантов сюжета Т 313С „Skrzydlaty młodzieniec” яблоня и груша – это первая форма трансформации героев. Затем они превращаются в розу и калину а, наконец, в утку и селезня: „Poprzeminały sie i „zakwnęny tak slicnie, i jak ludzie nadjechali i zobaczyli, że tak ładnie kwnu”, więc nie chcieli ich ruszać”⁴⁰. После этого они возвращают себе человеческий облик и благополучно добираются до дома.

Представленными в настоящей статье рассуждениями вопрос фольклорного образа яблони и яблока, естественно, не исчерпывается. Они могут послужить исходным пунктом для дальнейшего исследования данного вопроса, притом на разножанровом и разноэтническом материале устного словесного творчества.

³⁸ A. Saloni, *Lud łańcucki. Materiały etnograficzne*, „Materiały Antropologiczno-Archeologiczne i Etnograficzne” 1903, т. 6, с. 327. Стоит отметить, что в указателе Кшижановского сказка отнесена к типу Т 400* „Luźne motywy”. По нашему мнению, это не совсем правомерно.

³⁹ L. Malinowski, *Powieści ludu polskiego...*, с. 44; S. Papierkowski, *Teksty i przyczynki gwarowe z okolic Iwonicza*, „Prace Filologiczne” 1929, т. 14, ч. 1–13, с. 100.

⁴⁰ Т 313С; Z. Kowerska, „Wisła” 1896, т. 10, с. 111.